

Сказать по правде, Су Бэйлян впервые очутился в подобном увеселительном заведении. Презрение в его душе странным образом переплеталось с невольным любопытством.

Услышав от Су Цяня название «Терем Ветра и Луны», он воображал нечто вроде борделей из исторических сериалов: вульгарно разряженные девицы и юноши, сцепившиеся в бесстыдных объятиях, словно дикие звери, и предающиеся топорным утехам. Впечатление зрелище производило бы отталкивающее, до глубины души оскорбляющее приличие.

Ещё перед тем как сесть в экипаж, Су Бэйлян дал себе молчаливый зарок: если этот сопляк Су Цянь и впрямь переступит черту, он выловит его, выволочет наружу и устроит такую порку, что тот родную мать не узнает!

Разумеется, рукоприкладство в воспитании он не одобрял, но всему же есть предел! Четырнадцатилетний подросток заявляется в подобное место, да ещё и снимает главную знаменитость! Женщин ему мало, так он и на юношей зарится!

Это с чего бы? Неужто у других есть нечто такое, чем его обделили?

Совсем страх потерял!

Сегодня же этот паршивец поймёт, какие проступки можно простить, а за какие придётся расплачиваться.

Выйдя из экипажа, Су Бэйлян уже набросал в голове чёткий план. Однако стоит ему переступить порог Терема Ветра и Луны, как в лицо ударил благоухающий цветочный аромат, моментально развеявший первоначальную брезгливость.

Какая же это публичная обитель? Настоящая небесная обитель!

Изящные резные павильоны, винтовые лестницы по обе стороны, взмывающие к верхним ярусам. По ступеням журчащими струями стекала вода, приводя в движение гигантское мельничное колесо в глубоком бассейне.

Прямо посередине зала к самому потолку возносилось исполинское цветущее дерево. Его пышные ветви раскинулись до балконов второго этажа, утопая в гроздьях нежно-розовых бутонов, трепетавших от свежего ветерка, доносившегося из открытых окон.

Едва уловимое, освежающее благоухание пьянило куда сильнее, чем фимиам драконьей слюны в поместье вана Ляна.

Опавшие лепестки тонким ковром устилали гладь бассейна; колесо подхватывало их, вздымало вверх и плавно кружило в воздухе.

Чтобы не привлекать внимания, Су Бэйлян приказал евнуху Аню и Немому слуге ждать снаружи. Теперь же, оставшись без сопровождения перед лицом столь изысканного заведения, он почувствовал лёгкую растерянность.

Оформить обитель порока с подобным вкусом мог лишь человек непростой и опасный.

«Лучше не мозолить хозяину глаза, — решил он, — осмотрюсь сам».

На первом ярусе восседали благородные мужи в чинных одеждах; они неспешно попивали чай и вели светские беседы. Никакого непотребства, о котором твердили стражники, не наблюдалось, поэтому ван Лян угадал: Наследный принц наверняка обретался на втором этаже.

Встряхнув широкими рукавами, он поднялся по лестнице.

Дверь в одну из верхних комнат была распахнута настежь. Заведение заливал яркий свет фонарей, а изнутри струился лёгкий белый пар, окутывая помещение полупрозрачной дымкой.

Приблизившись, ван Лян услышал мужской и женский смех.

Шагнув к порогу, Су Бэйлян бросил взгляд на пол и обомлел: прямо на ковре валялся драгоценный пояс Су Цяня — явное свидетельство того, что у хозяина восковой печати водятся немалые деньги.

Пояс сорван? А штаны-то на месте?!

«Ах ты, паршивый щенок! Жизнь не мила?!»

Подперев голову рукой, Су Цянь возлежал на кушетке с закрытыми глазами. На фоне царившего вокруг веселья он казался чужаком, отгородившимся от всего мира.

Ни смех, ни шум не могли потревожить его покой.

Сюэ Сань, устроившийся по соседству с нежным юношей в одной руке и пышной красавицей в другой, взглянул на угрюмого приятеля и не выдержал:

— Я ради сегодняшнего вечера выложил целое состояние! Ты можешь хоть немного повеселиться? Посмотри на этих девиц — тонкие талии, пышные бюсты, неужели не хороши? А не нравятся девицы — взгляни на юношу! Я ведь специально выкупил для тебя молодого

господина Цзисюэ! Это же главный завлекатель Терема Ветра и Луны, искусник в науках и утехах, который обычно лишь поёт да играет, а тела своего никому не отдаёт. И ради того, чтобы ублажить тебя, он сегодня согласился на всё, а ты и глазом не моргнёшь!

На этих словах Сюэ Сань даже почувствовал укол зависти. Прежде он сам сулил горы золота за ночь с Цзисюэ, но тот лишь изящно отнекивался. А стоило появиться Наследному принцу, как тот не взял ни медяка и тут же даровал согласие!

Пусть Су Цянь и Наследный принц, но нельзя же до такой степени ублажать высоких гостей!

Погружённый в свои мысли Су Цянь медленно разомкнул веки. Поуже сощурив холодные миндалевидные глаза, он принялся разглядывать восседавшего подле него Цзисюэ.

Перед ним был юноша примерно их лет. Видимо, надолго задержавшись в этом вертепе, он наловчился угождать вельможам, а потому держался кротко и заискивающе.

С такими юными гостями Цзисюэ сталкивался впервые, а потому с невольным любопытством поглядывал на юного принца.

Особенно его привлекала безупречная внешность Су Цяня. Молодой господин выглядел прекраснее любого из тамошних обитателей, продававших свою красоту, отчего в душе Цзисюэ вспыхнуло невольное трепетное влечение.

Вот только Су Цянь с самого момента прихода оставался мрачнее тучи. Он не проявлял ни малейшего интереса ни к девицам, ни к юношам, словно явился в Терем Ветра и Луны исключительно ради того, чтобы поспать на кушетке.

Махнув рукой печальному Цзисюэ, Су Цянь небрежно бросил:

— Подойди.

Хоть он и был сверстником юноши, в каждом его движении сквозила недетская развязность.

Цзисюэ торопливо приблизился. Принц бесцеремонно схватил его за подбородок.

Приподняв его лицо, Су Цянь вгляделся в его черты. От этого пронзительного взгляда юноша опустил длинные ресницы, а его бледные щёки вспыхнули густым румянцем.

— И вот это уродство зовут первой красавицей? — Су Цянь разжал пальцы и безглаголиво оттолкнул юношу. — Похоже, слава Терема Ветра и Луны сильно преувеличена. Сюэ Сань, ты выбросил деньги на ветер.

Видя, с каким пренебрежением его друг обошёлся с признанным красавцем, Сюэ Сань лишь вздохнул:

— Тебе даже первейшая красавица не угодила?! Да на всём белом свете не найдётся никого, кто пришёлся бы тебе по вкусу! Ты что, собственную физиономию за мерило красоты принял? Ну-ну, с таким настроением останешься в гордом одиночестве до конца дней! Даже когда взойдёшь на престол, ни одна гаремная наложница с тобой не сравнится!

Едва Сюэ Сань выкрикнул эту тираду, как в дверном проёме показался высокий мужчина в тёмных одеяниях. Из-за клубившегося пара его облик поначалу казался размытым, но едва он сделал шаг вперёд, как у Сюэ Саня глаза на лоб вылезли.

«В-в-ван Лян?!»

Сюэ Сань сразу узнал Су Бэйляня, а вот тамошние девицы и прислужники никогда его не видели. Они с нескрываемым любопытством уставились на неожиданного гостя.

Ещё один красавец!

Этот незнакомец статностью и красотой мог соперничать с самим Наследным принцем. В его обличье сочетались холодная суровость и властное изящество, а от всей фигуры веяло неприступным ледяным величием.

Сюэ Сань с трудом сглотнул слюну и ткнул локтем отдохавшего на кушетке принца. Когда Су Цянь поднял взор, Су Бэйлян уже стоял прямо перед ним.

Взирая на его бесстрастное лицо, юноша внезапно рассмеялся:

— Только что мне твердили, будто ты — первейшая красавица, а настоящая драгоценность, оказывается, таилась здесь. Ты куда краше этого Цзисюэ... Красавец, не останешься ли ты со мной на ночь, чтобы разделить ложе?

Заметив, как лицо Су Бэйляня темнеет от гнева, Сюэ Сань чуть не лишился чувств!

«Брат мой, ты глаза-то разуй! Это же твой родной дядя! Какой ещё красавец, какое ещё разделить ложе?! Ты же сегодня ни капли не пил, откуда такая дурь в голове?!»

Внезапно Су Цянь схватил Су Бэйляня за рукав и резко потянул вниз. Ван Лян никак не ожидал подобного выпада, потерял равновесие и рухнул прямо на юношу.

Сцена выходила весьма двусмысленной.

Собрание девиц и юношей тут же задорно подхватило:

— Раздень его! Раздень! Раздень!

Прежде им уже приходилось прислуживать гостям с весьма изощрёнными вкусами, любившим тешиться на глазах у сторонних зрителей, так что подобное их ничуть не смутило.

Они наперебой подбивали принца сорвать с незнакомца одежды.

Сюэ Сань покрылся холодным потом и отчаянно зашипел на разбушевавшуюся толпу:

— Заткнитесь! Заткнитесь, дурачье! Да если он встанет, он с вас со всех шкуру спустит!

Вцепившись в воротник Су Бэйляня, Су Цянь ловким движением перевернулся и смял его под собой, в мгновение ока обнажив плечо мужчины.

Глядя на детские ладони, бесцеремонно орудовавшие на его груди, Су Бэйлян на мгновение оцепенел.

«Меня что... домогается главный герой?»

«Да нет, бред какой-то. Ему же всего четырнадцать! Он же ещё ребёнок, откуда ему знать про такие вещи? Да ещё и с мужиком, который годится ему в отцы?!»

«К тому же я теперь его родной дядя!»

Внезапно Су Бэйлян обхватил голову юноши и присмотрелся. Уголки глаз Су Цяня болезненно покраснели, взгляд подёрнулся дымкой, а длинные ресницы почти прикрывали полусонные веки.

Разум угас, но тело обуяла неестественная дикая страсть.

«Неужто напился?!»

Только это и объясняло происходящее. В здравом уме ни один человек, будь он хоть трижды безумцем, не стал бы приставать к собственному дяде.

Уверенный, что Наследный принц мертвецки пьян, Су Бэйлян без лишних раздумий занёс ладонь и точным ударом в шею отправил его в небытие. Подхватив обмякшее тело на руки, он двинулся к выходу.

Проходя мимо застывшего у дверей Сюэ Саня, ван Лян замер.

— Сюэ Сань.

Услышав своё имя, юноша чуть не грохнулся на колени и торопливо поклонился:

— В-ван Лян!

— Если я ещё хоть раз увижу тебя рядом с Наследным принцем, пеняй на себя. Выбирай, какую ногу тебе отрежет моя сабля Белой Ночи — она как раз давно не пробовала крови.

Глядя вслед уходящему Су Бэйляню с принцем на руках, Сюэ Сань почувствовал, будто только что побывал на аудиенции у владыки преисподней.

Вот ведь чудеса! Прежде, когда он уводил Су Цяня погулять, ван Лян и бровью не вёл. Что же стряслось нынче, раз он лично явился в Терем Ветра и Луны?

Да ещё и с таким лютым гневом! Скверное дело: стоит ему обмолвиться перед батюшкой, и порки плетью не миновать.

Девицы и юноши, только что подливавшие масла в огонь, при услышанных именах мгновенно переменились в лице. Высокий незнакомец в тёмном одеянии оказался самым ваном Ляном!

Разве в молве не твердили, будто ван Лян — жестокий и беспощадный воитель, неукротимый мастер сабельного боя?

Красота его была неоспорима, а вот воинского нрава разглядеть не удалось: хрупкий, нежный, от лёгкого толчка юного принца рухнул на кушетку да дал обнажить себе плечо...

Впрочем, кожа у него оказалась настолько белой и гладкой, что у присутствующих невольно потекли слюнки.

Но тут до них дошёл ужас произошедшего.

Плохо дело!

Они ведь своими глазами видели, как вана Ляна повалили и сорвали одежды! Не велит ли он из гнева и стыда вырезать весь Терем Ветра и Луны, чтобы скрыть позор?!